

A close-up portrait of a middle-aged man with a grey beard and mustache, resting his chin on his hand. He is wearing a dark sweater over a light-colored collared shirt. The background is dark and out of focus, showing some bookshelves.

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

Избранное

/ стихи, поэмы, переводы

Евгений Валентинович Лукин

Избранное. Стихи, поэмы, переводы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28072230

Избранное. Стихи, поэмы, переводы / Лукин Е. В.: Скифия; Санкт-Петербург; 2016

ISBN 978-5-00025-083-9

Аннотация

В книгу избранных произведений петербургского поэта Евгения Лукина вошли стихи и поэмы, написанные за последние тридцать лет. Оригинальные произведения в книге гармонично сочетаются с переложениями и переводами, которые автор считает неотъемлемой частью своего поэтического творчества. Среди публикуемых текстов особое место занимают стихотворные переложения древнерусских эпических песен «Слово о полку Игореве», «Слово о гибели Русской земли» и «Задонщина», высоко оцененные академиком Д.С. Лихачевым и другими учеными ИРЛИ РАН, а также поэтическое либретто «Радонежской оратории». Мировая премьера оратории, созданной в соавторстве с композитором В.В. Малаховской, состоялась 19 октября 2014 года в Санкт-Петербургской

филармонии имени Д.Д. Шостаковича и была приурочена к 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского.

Содержание

Предисловие	6
У самого синего моря	20
Начало	20
Читаю часы	22
Полустанок	24
Confessione	27
Вещее слово	29
Заклинание	29
Персы	30
Ночная поездка Одина	42
Висы радости	44
Слово о полку Игореве	46
Задонщина	74
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Евгений Лукин

Избранное. Стихи, поэмы, переводы

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

Автономная некоммерческая организация по предоставлению услуг в области культуры и просвещения «Книжная лавка писателей»

Предисловие

Легенда о двух учениках капниста

Однажды патриарх русской поэзии Василий Капнист призывал к себе двух своих учеников и сказал: «Стать настоящим поэтом и прославиться может только тот, кто переложит хорошим русским слогом какую-нибудь древнюю эпическую песнь». Затем внимательно посмотрел на юношей, раздумывая, кому какое дать поручение. Лицо одного ученика некогда так изуродовала оспа, что лишила его правого глаза. Это напомнило Капнисту великого слепца – древнегреческого поэта Гомера, и патриарх благословил Николая Гнедича на перевод знаменитой «Илиады». Лицо другого ученика отличала болезненная нервозность: дожидаясь решения, он то и дело потряхивал кудрявыми волосами. В его глазах поблескивал сумасшедший огонек. «Пожалуй, этому более подойдет творение Тасса», – подумал Капнист и поручил Константину Батюшкову переводить рыцарскую поэму «Освобождение Иерусалима» итальянского поэта Торквато Тассо. Молодые люди покинули учителя, вдохновленные величественным заданием, которое сулило им славу и бессмертие.

Трудолюбивый Николай Гнедич, не мешкая, приступил к занятиям. Он отрекся от семейного счастья и прочих удовольствий, решив целиком посвятить жизнь переложению

величайшей песни Древней Эллады. «Я прощаюсь с миром, – исповедался он Батюшкову. – Гомер им для меня будет». Спустя двадцать лет он вышел из добровольного заточения и представил просвещенной публике свой фундаментальный труд. Его перевод «Илиады» произвел на современников сильное впечатление. Ученые знатоки восторгались точностью, силой и образностью языка. Александр Пушкин приветствовал победителя:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин,
И вынес нам свои скрижали.

Казалось, Николай Гнедич достиг желаемого итога и может купаться в лучах славы. Но вот беда: непрестанно работая над «Илиадой», он подорвал здоровье, и теперь ему было не под силу составить даже скромные комментарии к переводу, на чем справедливо настаивали ученые знатоки. В горьком одиночестве он встретил смерть, прошептав напоследок стихи: «Печален мой жребий, удел мой жесток!»

Иная, на первый взгляд, судьба ожидала Константина Батюшкова. Поначалу он с жаром принялся за перевод певучих итальянских октав. Однако со временем все более и более охладевал к изнурительной переводческой работе, как это нередко бывает со впечатлительными, легко возбудимыми людьми. «Ты мне твердишь о Тассе или Тазе, как будто

я сотворен по образу и подобию Божьему затем, чтоб переводить Тасса, – жаловался он Гнедичу. – Какая слава, какая польза от этого? Никакой. Только время потерянное, золотое время для сна и лени».

Тем не менее Батюшков старательно перевел первую песнь поэмы и даже опубликовал отрывки из нее. Но далее труд как будто остановился. Причина заключалась в том, что переводчика все сильнее увлекала не столько сама поэма, сколько трагическая судьба ее создателя. Хотя Торквато Тассо и посвятил бессмертное творение своему высочайшему покровителю – герцогу Альфонсу Феррарскому, тот все равно заподозрил поэта в тайной переписке со своим кровным врагом из дома Медичи. В конце концов герцог объявил поэта безумцем и посадил на цепь в доме сумасшедших. Лишь через два десятилетия папа римский, растроганный общественной любовью к Торквато Тассо, решил короновать его лавровым венком как величайшего поэта Италии. Увы, освобожденный из узилища, на пути в Рим тот скончался.

Константин Батюшков так проникся печальной участью итальянского гения, что написал последнюю элегию «Умиравший Тасе», которой и завершил свою единственную книгу «Опыты в прозе и стихах». После этого он забросил стихотворчество и последовал за своим кумиром в сумерки сознания. Александр Пушкин, посетив обезумевшего товарища, ужаснулся:

Не дай мне Бог сойти с ума!
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.

К полноценной творческой жизни Константин Батюшков больше не вернулся. Его поселили, а точнее заточили в доме опекуна в Вологде. Время от времени заключенного поэта охватывала маниакальная идея отправиться в Рим: должно быть, он представлял себя Торквато Тассо и предвкушал коронование лавровым венком. Стремясь успокоить больного, милосердный опекун сажал его в сани и вывозил на московскую дорогу. Когда поэт засыпал, сани разворачивали в обратную сторону. И поутру вместо величавого Капитолийского холма проснувшийся узник наблюдал за окном высокие вологодские сугробы.

* * *

Легенда о двух учениках Капниста исполнена тайных смыслов и значений. Есть что-то мистическое в определении пути каждого из них. Этот путь был предначертан не столько волею учителя, сколько неким вышним отпечатком, который проявился на лицах молодых начинающих поэтов. Прозорливый учитель сумел лишь разглядеть этот знак и дать ему верное толкование. Оба ученика покорно двинулись по предназначенному пути, как будто приняли на себя обет мо-

нашеского послушания.

Действительно, и Николай Гнедич, и Константин Батюшков испытывали некий священный трепет перед исполнением своего долга. Их отношение к добровольно взятым на себя обязанностям было исключительно религиозным. Правда, предметом культа, предметом поклонения для них стали разные субстанции. Один поклонялся прекрасному творению, другой благоговел перед великолепным творцом. Один стремился в полной мере воспроизвести чудесную песнь на ином языке, создать совершенную копию совершенного образца. Другой же пытался отобразить жизненный путь своего кумира, действуя по наитию и поэтическому вдохновению, чтобы в конечном счете духовно слиться с ним и разделить его участь.

Таким образом, в легенде о двух учениках Капниста нам представлены два возможных творческих пути, которые Фридрих

Ницше некогда обозначил как путь аполлоновский и путь дионисийский. Немецкий философ полагал, что эти два различных движения, то враждуя друг с другом, то побуждая к новым творениям, стремятся увековечить *некую* борьбу противоположностей, соединенных единым словом «искусство». Именно в такой слиянной неслиянности, в такой раздельной нераздельности и протекает подлинная жизнь. Ибо аполлоновский путь, исполненный неустанного труда, осознанного творческого поиска и стремления к совершенству,

озарен светом логического разума, тогда как противоположный маршрут проходит по неведомым тропкам сознания, среди темных чащ фантазий и пророческих интуиций.

«Живи как поешь и поешь как живешь», – провозгласил своим девизом Константин Батюшков, определив тем самым будущий магистральный путь дионисийства в целом. Спустя сто лет этот постулат взял на вооружение Андрей Белый при создании знаменитого «общества аргонавтов», участники которого признавали «дар писать» и «дар жить» равноценными и неотделимыми друг от друга. В понимании «аргонавтов» жизнь творца стала равноправным объектом его собственных духовных исканий и поступков, а окружающая реальность обрела свойства художественного текста. Результат не заставил себя долго ждать. «Почти у всех членов нашего кружка с аргонавтическим налетом были ужасы, – констатировал Андрей Белый, – сначала мистические, потом психические и, наконец, реальные». Примечательно, что на знамени общества было начертано имя Фридриха Ницше, который представлялся «аргонавтам» не рациональным мыслителем, но безумным пророком, противостоящим общепризнанной системе ценностей. Хотя на самом деле кружку более подходило имя Константина Батюшкова, потому что установка на собственное мифотворчество в данном случае становилась принципиальной.

Со временем «аргонавтический» принцип существования сделался обязательным, причем «дар жить» постепенно вы-

теснял собою «дар писать». Этому способствовала философия постмодернизма, которая к закату XX века превратилась во всеобъемлющее учение. Его главное кредо – истина не выясняется, истина утверждается – позволило тоталитарным демиургам обратить весь мир в глобальный художественный текст. «Нет ничего, кроме текста», – такое откровение проповедовал Жак Деррида, апологет философии действия и интерпретации истины. Отныне, чтобы стать властителем дум, не требовалось толком никакого сочинительства – достаточно было совершить некое публичное действие: например, ворваться в священный храм и, выкрикивая кликушескую песенку, сплясать бесовскую пляску на амвоне; или раздеться донага и, встав на четвереньки, встречать залиvistым лаем посетителей картинной галереи. Так на подмостках мира воцарился перформанс, который ознаменовал собой переход от логоцентричной книжной культуры к современной видеоцивилизации, основанной на синтетическом языке мимесиса – наследнике древних дионисийских мистерий.

Казалось бы, культура Логоса потерпела сокрушительное поражение, аполлоновский путь приблизился к своему завершению. Ничего подобного: он всего лишь перестал быть мейнстримом, всего лишь ушел в глубины бытия, поскольку слово является основным инструментом логического мышления, и отказаться от него – значит отказаться от божественного творческого начала вообще. При этом светлый

аполлоновский путь остался верен своей изначальной просветительской цели – всесторонне постигать явления вечно-го мира в сакральной системе координат.

* * *

Легенда о двух учениках Капниста ставит еще один существенный вопрос, который, на первый взгляд, кажется риторическим: для чего учитель дает своим подопечным столь трудные поручения, которые заканчиваются печальным образом? Неужели нет другого способа достичь вершины поэтического Олимпа, кроме как заняться переложением какого-либо чужеземного эпического произведения? Быть может, жалобы Константина Батюшкова на бессмысленность подобного труда не являются беспочвенными? Ведь и правда: иногда монотонная переводческая работа представляется лишенной какой-либо творческой искорки. Между тем в этом учительском задании сокрыт глубокий, можно сказать библейский смысл.

Как известно, в соответствии с божественным указанием Адам выполнял в райском саду три функции. Прежде всего, он возделывал этот сад и охранял его, то есть выполнял обычные обязанности садовника и сторожа. А вот третья функция – удивительная. Господь доверил человеку невероятно сложное дело – дать имя полевым зверям и небесным птицам. При этом Он предупредил его от вкушения

плодов с дерева познания. Человек занимался именованием как бы вслепую, не располагая какими-либо сведениями о сущности представленных явлений и в то же время не имея возможности рассчитывать на подсказку со стороны. Господь присутствовал на данном таинстве всего лишь в качестве наблюдателя, чтобы испытать свое создание на способность мыслить – способность дать бытию слово. Таким образом, имя становилось местом встречи смысла человеческой мысли и имманентного смысла предметного бытия, местом встречи идеи небесной птицы с самой небесной птицей, местом встречи эйдоса полевого зверя с самим полевым зверем, Здесь осуществлялся творческий акт, который в действительности и подтверждал основную характеристику человека как творца, созданного по образу и подобию Божьему.

Аналогичное подтверждение хотел получить и Василий Капнист, когда поручил своим ученикам переложить хорошим русским слогом какую-нибудь древнюю эпическую песнь. По существу, он действовал в соответствии с божественным указанием и возлагал на них обязанность научиться исполнять третью функцию Адама. Получив для труда райский сад – прекрасное художественное полотно, ученики начинали как бы заново давать имя предметам бытия, изображенным на холсте и уже обозначенным иным словом, еще непонятным для соплеменников. От них требовалось одно – быть точными при воспроизведении этого имени на своем

языке, не потеряв при этом изначальной сакральной сущности слова. В данном случае ученики проходили испытание на способность мыслить, способность стать настоящими творцами.

Надо сказать, что подопечные Капниста сразу уловили глубокий, библейский смысл полученного задания. Николай Гнедич, усердно работая над переводом «Илиады», обнаружил в Гомере признаки божественного первотворца. В своей поэме «Рождение Гомера», сочиненной в часы отдохновения от главного труда, он представил древнегреческого поэта как подлинного Адама, который «первым на землю свел язык небесный», руководствуясь при этом не темным интуитивным началом, но ясным логическим – «очами разума». Нет сомнения, что и сам Николай Гнедич следовал по этому светлomu аполлоновскому пути.

Второй же ученик Капниста с такой страстью приступил к переложению рыцарской поэмы Торквато Тассо, что вскоре стал все более и более отождествлять себя с ее создателем. Этот процесс отождествления (идентификации) был описан еще древнегреческим сочинителем Лукианом Самосатским на примере одного танцора, который, представляя на сцене неистового Аякса, сам впал в неистовство: «он до такой степени сбился с пути, что зритель с полным правом мог бы принять его самого за сумасшедшего, а не за играющего роль безумного». С Константином Батюшковым случилась похожая история, но предметом его подражания стал не обезу-

мевший герой Троянской войны, а романтически настроенный поэт, воспевший крестовый поход за освобождение Гроба Господня.

Казалось бы, в таком уподоблении не было ничего необычного. В конце концов, многие христиане видели смысл своего существования в подражании Иисусу Христу, Который говорил: «Я свет мира: кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Иоанн, 8:12). Другое дело, что на пути полной идентификации с итальянским гением Константин Батюшков в один прекрасный день ощутил себя состоявшимся творцом, способным давать имя предметам бытия и создавать свое художественное полотно – возделывать собственный райский сад. И вот тогда он усомнился в необходимости исполнения поручения, данного ему учителем: «Неужели я сотворен по образу и подобию Божьему затем, чтоб переводить Тасса?» В нем разгорелся тот яростный, можно сказать люциферовский дух соперничества, который сопровождает творческий процесс, изначально подражательный в своей основе.

Эту особенность поэтического перевода некогда подметил поэт Василий Жуковский – младший современник Капниста. «Переводчик в поэзии есть соперник», – утверждал он, имея в виду не мифотворческую конкуренцию с автором подлинника, но чисто творческую состязательность – соответствующую возможность создать оригинальный художественный текст, в той или иной мере верный духу подлин-

ника. Сам Жуковский рассматривал эту возможность лишь в созидательном ключе, порицая дионисийское стремление субъекта слиться с объектом подражания в безумном экстазе.

В таких условиях возникала проблема авторской идентичности. Действительно, когда процесс идентификации и следования высокому образцу завершался, требовалось определить, кому принадлежит созданный текст – автору подлинника или тому, кто его пересказал, «перевыразил», как говорил Александр

Пушкин. После длительного отождествления «я» и «другого» было необходимо осуществить их болезненное расщепление, а точнее – распределение ролей на первую и вторую. Поскольку, по мысли французского философа Алена Бадью, «другой», которому «я» способен подражать и уподобляться, может быть только положительным, только хорошим, то «я» при окончательном раскладе должен был обладать перед ним превосходной степенью.

Выход из щепетильной ситуации оказывался вполне презентабельным: переводчик ставил над завершенным трудом свое имя, а имя автора подлинника указывал в подзаголовке – «из Пиндемонти», «подражание Парни», «по мотивам песни Гомера». Впрочем, в золотой век русской литературы здесь не устанавливалось каких-либо жестких правил. Многие баллады Жуковского, как и элегии Батюшкова, на деле являлись переводными, но таковыми не считались, поскольку

ку поэты осуществляли определенную творческую переработку текстов. Дух соперничества позволял перелицовывать чужие произведения на свой лад. Такое сотворчество давало неожиданные, порой удивительные результаты. Однако превосходная степень по отношению к «другому» оставалась непоколебимой. Когда Константин Батюшков перевел элегию Шарля Мильвуа «Бой Гомера и Гесиода», то в примечании честно указал на ее принадлежность французскому поэту. Александр Пушкин, ознакомившись с текстом, высказал вскользь сожаление: «Вся элегия – превосходна. Жаль, что перевод». Батюшков, опечаленный снисходительной репликой, решил в дальнейшем публиковать элегию без всякого примечания под символическим заглавием «Гомер и Гесиод, соперники».

Между тем проблема авторской идентичности обретала иную ипостась, когда сталкивалась с величием «другого» – таким величием, которое не могло быть преодолено никакой превосходной степенью. Прежде всего речь шла об авторах шедевров, по своей метафизической силе близких к Абсолюту. К таковым относились великие эпические полотна минувших веков, перевод которых на родной язык уже сам по себе составлял бы честь и славу любому мастеру. Несоразмерность «я» и «другого» определялась здесь недостижимой высотой последнего, трансцендентного по отношению к «я». Эта разность была настолько очевидна, что никто не решался переступить через невидимую грань. В своей поэме «Рож-

дение Гомера» Николай Гнедич отважился именовать себя лишь «робким певцом, вторившим песне Гомера». И понятно, что славное имя древнегреческого поэта по праву украсило фундаментальный труд его русского пересказчика.

Вышесказанное означает, что Василий Капнист не был свободен в выборе того или иного шедевра для последующего толкования. Тем и универсальна сакральная система координат, что она устанавливает четкую иерархию вечных ценностей. Выбор среди них обусловлен вышним началом, а не чьим-либо субъективным пристрастием. Известно, как упрекал Александр Пушкин своего незабвенного учителя Василия Жуковского, что тот пересказывает немецкие баллады вместо того, чтобы заняться настоящим делом – переложениями эпических песен Тассо или Гомера. В конце концов Жуковский откликнулся на сетования своего ученика. Его перевод гомеровской «Одиссеи» и поныне считается классическим. Очевидно: достигнутый результат стал возможен благодаря движению по аполлоновскому пути, сторонником коего являлся этот замечательный русский поэт. Другой путь неизбежно увлек бы его в сумрачную бездну сознания.

Санкт-Петербург, 2016

У самого синего моря

Начало

У самого синего моря,
У самого синего неба
Есть остров соснового звона
И тихих ракушечных слов.

Кругом дремота древонося,
Убогое топкое время
Да северо-западный ветер
Над Синусом Финским стоит.

И только орел поднебесный,
Ровесник библейского часа,
Пространство крылом измеряет
И время крылом золотит.

Кружится над островом Божьим,
Над островом Божьим кружится,
И реет на царскую руку,
И руку когтями когтит.

Рука исполняется мощью,

Рука исполняется силой,
Рука исполняется медью,
И медь по суставам течет.

И город встает под рукою...

Читаю часы

Читаю часы на воротах вокзальных:
Там цифры томятся в колодках печальных,
Там пишет последнюю летопись ночь.
Там острая стрелка – клинок харалужный,
Ипатьевский штык со щербиной натружной,
Впопад подвернувшийся Углича нож.

Настала пора называть виноватых,
Каких-нибудь стрелочников, провожатых:
Столетие смутное, час роковой,
А он, полуночный, и вправду не ровен,
Но в темном былом, видит Бог, не виновен —
Виновен царевич, сапожник, портной.

Я тоже, я тоже виновен, не скрою:
Плачу за столетие собственной кровью,
А кто виноват, оправдается враз:
Младенца убить? То минутное дело,
Так время сказало, так время велело,
Которое знать не желает про нас.

Читаю часы на воротах вокзальных,
Там цифры томятся в колодках печальных,
Там острая стрелка – ипатьевский штык.
Ни милости, ни покаянья не будет.

Сам Каин себя никогда не осудит,
Ни водка, ни крест не развяжут язык.

Полустанок

Опять полустанок в снегах Семизерья,
Где в темном ольховнике бродят поверья,
Где, зычно трубя в златокованный рог,
Несется по рельсам железная выюга,
Где светится в центре янтарного круга
Дорожный фонарь – одинокий, как Бог.

Вдоль линии всюду змеятся сугробы,
Меж ними – путейские ржавые робы:
Рабочие чистят стальные пути.
Здесь смычка земли и лапландского неба,
Поэтому столько навалено снега —
Ему просто некуда дальше идти.

На сером столбе у разбитой калитки
Шуршат расписания ветхие свитки,
Которые ветер твердит наизусть.
Заветного часа течет ожиданье,
Но ждущим давно ни к чему расписание:
Его знать не знает окольная Русь.

Здесь все по наитию – значит, от Бога:
Ольховник и выюга, судьба и дорога,
Здесь каждый живет потому, что живет.
Заветного часа течет ожиданье.

Когда он наступит? То Божие знание.
Последний петух все равно пропоет.

Здесь быстро темнеет да долго светает.
Я тоже из тех, кто терпение знает,
Я тоже из тех, кто с надеждой глухой
Глядит и глядит за границу озора,
Где путь обозначен огнем семафора,
Где снегом дымятся верста за верстой.

.....

Когда же промчится железная выюга,
Застыв лишь на миг у янтарного круга,
Рабочего люда большая толпа —
Усталая, грязная, грозная, злая —
Сойдет с полустанка ордою Мамая,
Как смерть, молчалива, глуха и слепа.

Сошедшим не надо ни рая, ни ада.
Они – из железного дымного града,
Убогим машинам отдавшие труд,
За все заплатившие кровью и солью, —
Как призраки, по снеговому раздолью
В колючую темень идут и идут.

Вон там, на седьмом километре безверья,
Их ждут золотые огни Семизерья,
Их лики угрюмы и тяжки шаги.

И я вслед за ними, за ними, за ними
Иду, ослепленный снегами густыми.
Куда же идем мы? Не видно ни зги.

Confessione

О, дайте мне взглянуть на пышный Рим!
Константин Батюшков

Белый лист, вологодский сугроб,
Снеговина раскрытой тетради...
Я листаю пустые страницы,
И становится холодно мне
От листов синеватой бумаги,
Будто я, сумасшедший, бреду
По бескрайнему снежному полю
Или еду на тройке почтовой,
Золотые подковы звенят,
Запятые летят из-под них,
А вокруг ветровые деревни,
Горький запах оленьего жира,
Зажигает мужик сигарету
И верблюд полыхает в снегу,
И горит пирамидный Египет,
И дымится за пальмами Рим,
Где кошницы с душистой травой,
Где тимпаны гремят без конца
И хоругви колеблются в сини,
Умирает божественный Тасс,
Телеграф передал в Капитолий
Лебединое слово его:

«Я сражался с тронхеймским солдатом
И, железом ступню окрыляя,
Я стремился сквозь пепел и выюгу
На верблюде к арабской твердыне,
Но далекая русская дева
Все равно презирает Гаральда,
А мужик из оленьего жира
Не дает мертвецу прикурить!».
Тут потухла моя сигарета,
Ветром перелистнулась страница,
Опрокинулся синий сугроб
На моем деревянном столе,
Тихо поворотилась дорога,
Не сворачивая никуда,
Оказалось, я еду назад,
Золотые подковы звенят,
Запятые летят из-под них,
А вдали пламенеют кресты
Вологодского храма Софии.

Вещее слово

Заклинание

Есть в слове мощь,
Как в туче дождь,
Как хлеб в зерне,
Как хмель в вине,
Как в камне соль,
Как в ране боль,
Как жизнь в крови,
Как песнь в любви,
Как смерть в стреле
На острие, —
И ты стремись, вещая речь,
От порчи слово убережь.

Персы

По мотивам нома

Тимофея Милетского

1

Синь рассекая водорезом,
С разбега струг врезался в струг
И острым, как копье, железом
Крушил сосну ладейных рук.

Когда, пронзив ладью Эллады,
Железный клюв кромсал кряжи,
На гребень варварской насады
Рвались ахейские мужи.

А если мимо корабля
Стальные молнии летали,
Удары весел синь считали,
Смерть отвращая от себя.

Размыканные корабли
Льнов опоясками сверкали:
Одни ко дну мгновенно шли,

Других же громы повергали —
Сталь побеждала красоту.

И бог войны, огнем каленный,
Срываясь с тетивы крученой,
Звеня железом на лету,
Врезался в бой стрелой точеной.

Тут смерть куски свинца несли,
Горящие льняные связки
На палках, срубленных вдали
Для бычьей пастухом остратки.

И много жизней во вселенной
Легло на жертвенник военный —
Медноголовых змей наука,
В пространство пущенных из лука.

Огнистые потоки тут
От кораблей струились ало,
Багряня гриву-изумруд
Дневного моря. Все кричало.

2

Морская сила персиян

Помчалась в море-океан:
На нем венец из рыб сверкал
И мраморились крылья скал.

Какой-нибудь фригийский ратай,
Чью землю в день не обойти,
Руками, как большой лопатой,
Копал ладейные пути.

Он плыл, как остров, по теченью,
Бичуемый кнутом ветров,
Искал повсюду путь к спасенью
И умолял своих богов.

Когда же ветер затихал,
Уста захлестывала брага:
Ее варила между скал
Отнюдь не Вакхова корчага.

И, соль из глотки изрыгая,
Зубами скрежеща во тьму,
Кричал безумец, угрожая
Морскому богу самому:

«Ты, дерзкий, видно, позабыл,
Но мой владыка неспроста
Над Геллой берега скрепил
Льняными узами моста.

Настанет время – он придет
И соснами азийских гор
Взволнует воды, а простор
Во взор блуждающий замкнет!»

3

Туда, где зыбь морская,
Стремится побыстрее
Распуганная стая
Персидских кораблей.

Летят они над бездной
В сумятице такой,
Что бьется клюв железный
О гребень струговой.

Стоит и треск, и скрежет,
И шум, и брань вокруг,
Когда железо режет
Сосну ладейных рук.

Вот в скрежете и взвизге
Удар еще страшней.
Лишь мраморные брызги
Летят из челюстей.

Кормила, гребни, ростры —
Все рушится во прах...
И было небо в звездах,
Как море – в мертвецах.

4

А тот, кто все же спасся чудом,
Кто по прибрежным скользким лудам
Добрался до Силенских скал,
Бореем напоен студеным,
Под чужеземным небосклоном
Созвездья Азии взыскал:

«О вы, мизийские разлоги,
Где чернолесья так растут,
Что златокованные роги
Запутывает месяц тут.

Вернуться б к вам, родные дебри,
Забыть о Греческой стране,
Где ветры рыкают, как вепри,
И рыщут от волны к волне.

Здесь вход в пещеру нереид,

Который день и ночь открыт:
Лежит без дна морская падь —
Мне до нее рукой подать.

Судьба, веди меня к пределу,
Откуда, не смутясь ничуть,
Ты вымостила через Геллу
Столь далеко ведущий путь.

Я б город Сарды не покинул,
С шихана Тмольского не слез,
С размаха в эллина не ринул
Стальной персидский криворез.

А ныне, мыкаясь в беде,
Ищу убежища: везде
Лишь море синее шумит
Да эллинская сталь звенит.

Живу одной надеждой смутной:
Когда бы мог я наяву
Припасть к богине златокудрой,
Одетой в черную листву:

О Великая Горная Мать, спаси,
В золотую мизийскую даль унеси,
Огради прегражденного в днях ты от сеч,
Да не срубит мне голову эллинский меч,
Да не сгубит мне плоть леденящий Борея,

Не разметет по синим отрогам морей;
Чтобы славил до смерти богиню мою,
Прикажи от меня отлететь воронью».

5

Как повел не спеша
Ратоборничек в плен
Одного торговца
Из богатых Келен.

Тот к коленам припал
И к поножам приник,
И Эллады язык
С азиатским мешал.

С уст срывая печать,
Он пытался кричать,
Но от страха икал
И лобзал острый меч.
Он на ощупь искал
Ионийскую речь:

«Я, мне, тебе... В чем дело, друг?
Меня вел царь, я не хотэл.
Друг, никогда здесь воевать.

У Суз, у Сард – там буду жить
Я тихо-тихо...
Зевес – мой бог, свидетель он!»

6

А царь поверженной Персиды
Еще взирал издалека,
Как расточали nereиды
Его блестящие войска.

Там мечники, на диво прытки,
В кривом бегу стремились прочь,
Прекраснотканые накидки
Перстами раздирая включь.

Там лучший лучник Экбатана
Быстрее дротика летел,
Вышвыривая из колчана
Горсть обоюдоострых стрел.

Там копьемет из Вавилона,
Метнув куда-то копьецо,
Рысил, спасаясь от полона,
До слез царапая лицо.

И над ахейскою землею
Стоял такой великий стон,
Как будто Азией самою
Он был из неба извлечен.

И так смешалось все в округе —
Огонь и море, кровь и гарь,
Что очи отвратил в испуге
Великий азиатский царь:

«Дворец, и тот на гибель обречен,
Когда оградой он не защищен.
Сегодня греческие корабли
Персиды щит разбили и сожгли.
Где слава Азии? Где чудный цвет ее?
Где молодое воинство мое?
Иных пожрал огонь, а меч иных посек.
Плывут пустые струги на Восток.
Рыдай, Персида: скорбный час пришел.
Обратный путь и горек, и тяжел...

Немедля запрягать мне четверню!
Предать шатры поганому огню!
Сносить в повозки злато, серебро —
Не будет впрок им царское добро!»

7

А греки, возвратившись к месту
И сотворив по мертвым жаль,
В удел священному Зевесу
Воздвигли варварскую сталь.

А после, следуя закону,
Свершая праздничный обряд,
Воспели славу Аполлону,
Ногами ударяя в лад.

8

Оставь Пифийское подворье,
Златокифарный ворожей,
Приди и окажи подспорье
Поэме звончатой моей.

А то иной знаток зловеще
Шипит из темного угла,
Что голосом своим бесчещу
Я лад святого ремесла.

Люблю друзей златокифарных,
Зато взащей гоню других —
Звукозаконников бездарных
И горлодеров площадных!

Когда-то в чародейной тяге
Орфей к узорной черепахе
Приладил семь крученых жил
И песню первую сложил.

Небесному вверяясь дару,
За ним Терпандр взнуздал кифару,
Десницей натянув своей
Десяток золотых вожжей.

И вот, владея слухом верным,
Теперь пришел другой колдун,
Который чистым звукомером
Одиннадцать настроил струн.

Он отворил чертог согласия,
Где твой оберегался клад:
Голосники труда и счастья,
Любви волшебный звукоряд.

В священном городе туманном
Явись ты, вещий Аполлон,
Даруя мирным горожанам
Добра и красоты закон.

Ночная поездка Одина

Эддические вариации

Бёрриса фон Мюнхгаузена

«Я пил на ходу молоко из китовых сосцов,
Когда на коне восьминогом скакал по дороге
От горних вершин в этот сумрачный дол мертвецов.

Я девять дневных переходов промчался за ночь.
Небесная радуга мертвых играла мечами
И обозначала, мерцая, во мраке тропу —
Я знаю издревле пути необъятного мира.

В бушующем море метались безмолвные рыбы
И, клацнув зубцами, сражались ледовые глыбы.
Морские чудовища из глубины восставали,
А со стороны полуночи летел ураган.

Мой кованный конь грохотал от утеса к утесу,
Когда я скакал по дороге на призрачный север.
Копыта со звоном крошили молчание гор,
И страх разгонял по оврагам пугливых оленей.

Белесый туман застилал предо мною теснины,
И псы мои верные лязгали следом клыками,

Струился ручьями по лядвам моим конский пот,
И храп лошадиный, от холода заледенев,
Висел на моей бороде серебристой брусникой.

А в зимнем лесу были волки и лоси трубили.
И тролль, опасаясь моих озверевших собак,
Волшебное пиво в яичной варил скорлупе.
За мной в вышине замыкались высокие скалы,
Когда я скакал по дороге чудовищ морских.

И вот я примчался на край необъятного мира,
Где сумрачный дол содрогался от дикого воя,
И конская грива взвихрилась змеиным клубком,
А ясень, который зовут испокон мировым,
Корнями обвил каменистые своды пещеры».

Висы радости Из Харальда Хардрада

Где волк водореза измерил вдали
Три стороны славной Сиканской земли,
Где рыскала рыжая рысь парусин
За пламенем диких свирепых пучин,
Туда никогда не рискнет забрести
Вояка, боящийся стычек в пути.
Но весело мне, чародейка серег:
Я – вестник Руси на распутьях дорог.

Пусть будет их впятеро больше, чем нас:
Тронхеймских воителей в сумрачный час
Мы били, рубили, пока не сошла
С дневного светила затинная мгла
И наземь владыка не пал от мечей,
Как срубленный ясенъ железных дождей.
И горестно мне среди синих морей:
Нет вести от милой невесты моей.

А делаю я мастерски восемь дел:
Искусно владею огнем треска стрел,
По звездам я парусник в море вожу,
Скачу на коне и лыжнею скольжу,
Но главное, чем я могу покорить,

На славу волшебную брагу сварить.
И весело мне, чародейка серег:
Я – вестник Руси на распутьях дорог.

Наверно, слыхала и ты про меня,
Прядильщица нитей морского огня,
Как я отворял златовратный Царьград,
Заклятый свистящими птицами лат,
Где шел я за веном для ивы звезды,
От струй острой стали остались следы.
И горестно мне среди синих морей:
Нет вести от милой невесты моей.

Я – славный потомок норманнских мужей,
Знаток ремесла засапожных ножей!
Береза слезы, мне пока недосуг:
В арабские страны стремится мой струг,
И снова зарыскает рысь парусин
За пламенем диких свирепых пучин.
Но весело мне, чародейка серег:
Я – вестник Руси на распутьях дорог.

Слово о полку Игореве

1

Не время ли, братия, речью старинной
Начать эту повесть за русской братиной
Про Игоря, в путь протрубившего сбор,
И, павших оплавав на тризне прощальной,
Поведать всю правду о рати печальной,
Бояновым замыслам наперекор?

Ведь вещий Боян, приступая к напеву,
То мыслью своей растекался по древу,
То волком кружил по яругам степей.
И, помня начало усобиц и схваток,
Боян выпускал соколиный десяток
На белую стаю гусей-лебедей.

И с трепетом к облаку лебедь взмывала,
Заздравную песнь Ярославу слагала,
Мстислава она величала потом
За то, что зарезал Редедю, не дрогнув
Один перед полчищем диких касогов,
Ударив наотмашь каленым ножом.

Однако, напев зачиная старинный,
Боян не десяток пускал соколиный
На белую стаю гусей-лебедей,
Но вскладывал, ведая чары иные,
Волшебные пальцы на струны живые —
И те рокотали во славу князей.

Начнем эту повесть хвалой Мономаху,
Кто дерзкую мысль заострил об отвагу,
Кто клятвою смелое сердце скрепил
И двинул полки в половецкие дали,
Державным мечом высекая скрижали,
Которые Игорь прочел и забыл.

2

Князь Игорь взглянул на дневное светило —
Сияющей тьмой оно войско покрыло
И встало, как месяц двурогий, над ним.
Дружинникам вымолвил князь омраченным:
«Уж лучше быть мертвым, чем быть полоненным.
По коням! – да синего Дону позрим».

Нечасто бывает такое несчастье:
Затмит и светило, и ум в одночасье.
Торопится Игорь: «Хочу преломить

Копье на границе степей половецких,
Сложить свою голову по-молодецки,
А нет – так шеломом из Дона испить».

Боян, внук Велеса! В минувшие годы
Ты громко воспел бы такие походы,
По дереву мысли скача соловьем
И быстрым умом в поднебесьи летая,
И новую славу со старой сплетая,
И рыща Трояна тропой на подъем.

Ты молвил бы: песни достоин князь Игорь:
«То соколов полем уносит не вихорь,
То галки к великому Дону летят!...»
Уж комони ржут за рекою Сулою,
Уж трубы трубят в Новеграде с зарею,
Червлёные стяги в Путивле стоят.

Пусть в Киеве слава звенит до заката —
Князь Игорь в степи дожидается брата.
Сказал ему Всеволод перед полком:
«Мы, брат, одного Святославова рода!
Седлай же коней для лихого похода —
Мои возле Курска стоят под седлом.

Ручаюсь: куряне – бывалые кметы,
Под бранной трубой рождены для победы
И вскормлены с острого жала копья.
Им ведомы всюду пути и яруги,

Отворены тулы, натянуты луки,
Заточены сабельные остря.

Как серые волки, по пустошам скачут,
Для храброго князя величия алчут,
А чести и почести алчут себе!...»
В злоченое стремя князь Игорь вступает,
О Божием знаменьи знать не желает,
А значит – злосчастью быть и жалбе.

3

Уж солнце закрыло путь Игоря тьмою,
Ночь всякую тварь пробудила грозою,
Встает свист звериный и воронов грай.
И Див половецкий, исполненный гнева,
Кричит на вершине высокого древа,
В потемках тревожа неведомый край.

Кричит он Поморью, кричит он Поволжью,
Посулию, Корсуню да Посурожью,
И слушает Тмутараканский болван:
Идет бездорожьем ночью порою
К великому Дону орда за ордою —
Скрипят по-лебяжьи вozy половчан.

Князь Игорь спешит по Изюмскому шляху:
В дубраве хоронятся птицы со страху,
Лисицы на панцири лают кругом,
По росточам волки грозу навывают,
Клекочут орлы – знать, на кости сзывают.
О Русь, ты уже за далеким холмом!

Ночь меркнет. Зарей небеса распалились.
Умолк соловей. Галки разговорились.
Поля – в сизой роздыми и серебре.
Уж краем неведомым русичи скачут,
Для храброго князя величия алчут,
А чести и почестей алчут себе.

Заутра, в пяток, лишь туманы упали —
С налету чужие полки потоптали
И, стрелами поразлетевшись, навскид
Одну за другой полонянку хватали,
А в вежах то паволоку обретали,
То золото, то дорогой аксамит.

Награбив, мосты по болотам мостили:
И ортмами, и епанчами гатили
До позднего вечера топкую грязь.
Но ханское древко с полотнищем алым,
Сребряное стружие с острым стрекалом
Достались в награду тебе, Игорь-князь.

Вы, русичи, в степь залетели далече:

Ведь храбрым не страшен ни сокол, ни кречет,
Тем паче ни ты, черный ворон-степняк.
Дремлите вполглаза, Олеговы внуки:
Уж Гзак держит путь на донские излуки
И по следу правит дорогу Кончак.

Кровавую рань предвещает предзорье,
Собираются черные тучи на море,
Идут междуречьем – разить и громить,
В них синие молнии блещут, трепещут,
Дожди золочеными стрелами хлещут,
Желая четыре светила затмить.

У синего Дона на речке Каяле,
Где княжбых четыре хоругви стояли,
Сегодня случится неслыханный гром:
Тут копьям окованным переломиться,
Мечам остроточенным поиззубриться.
О Русь, ты уже за далеким холмом!

Вот ветры повеяли, внуки Стрибожьи,
Вздымая под тучами пыль раздорожий
И стрелами рея на Игорев стан,
Где рать, защитившись, сверкает мечами,
А стяги глаголят: идут половчане
От Дона, от моря, от Симовых стран.

Ты, Всеволод, первым под древком бунчужным
По панцирям гремлешь мечом харалужным,

Посвечивая золотым шишаком,
Куда ни поскачешь – там стон половецкий,
А в воздухе свищет клинок молодецкий,
Кромсая аварские шлемы кругом.

И что тебе раны в бою с половчином,
Когда пренебрег ты богатством и чином,
Презрел свою жизнь – из охот и пиров,
И, славя кровавые игрища в поле,
Забыл о черниговском отчем престоле,
Забыл милой Глебовны молвь и любовь.

4

Все минуло: время Трояна глухое,
Лета Ярослава – в трудах и покое,
Походы Олега и брань что ни день:
Ковал Гориславич крамолу кончаном,
Рассеивал стрелы по землям и странам
И в Тмутаракани вступал в злат стремянь.

И, слыша стремянный звонец издалека,
Молил Мономах на заутрене Бога
И в горести уши свои затыкал.
Но травное ложе у Канина брега
Борис заслужил за обиду Олега,

Поскольку к усобице он подстрекал.

И сопровождал Святополк горемычный
До стольного Киева груз непривычный —
Отец на телеге лежал как живой.
Весь день иноходили на перегоне
Обапол телеги угорские кони,
Спеша к панихиде в Софии Святой.

Печально: на голую ниву в ту пору
Бросали пригоршнями сорную сорцу —
Она на глазах прорастала бедой.
А княжья крамола страшна и жестока:
В ней гибнет нажитое внука Дажьбога
И век укорачивается людской.

В ту пору на Русской земле неурядной
Покликивал редко несчастный оратай,
Но часто пограивало воронье,
Деля меж собой мертвечину на ниве,
Да галки, узнав о кровавой поживе,
Сговаривались полететь на нее.

Но битвы такой не бывало, как эта:
Каленые стрелы летят без просвета
И сабли о шлемы стучат вразнобой,
Взрыхляют поля боевые копыта;
Костями засеяна, кровью полита,
Родная земля всколосилась тугой.

Что мне шумит, что мне звенит,
Что мне далече говорит
Пред зорями в густом тумане?
Там, бросив палицы свои,
Черниговские ковуи
Бежали впопыхах от брани.

Князь Игорь на коне летит,
Шеломом золотым блестит:
Зовет он беглецов вернуться!
Но храбрых не видать окрест:
Лишь половцы наперерез
В степи, как вороны, несутся.

Коня обратно торопя,
Он молит смерти для себя,
Чтоб только брату не досталась.
Но ладный конь не доскакал,
Булатный меч не досверкал,
Стрела до цели не домчалась.

Плененный князь глядит с жальбой,
Как русичи бросались в бой —

Им не хватало бранной стали!
Но, не теряя удалства,
Рубились день, рубились два,
На третий день знамена пали.

Утихли крики, смолк булат.
И разлучился с братом брат:
Кровавого достало брашна.
Дружинники, пир завершив,
До смерти сватов напоив,
И сами легли бесстрашно.

6

Увы, невеселое время настало:
Побоище буйной травой зарастало,
Обида с заросших курганов пришла
И девой на землю Трояна шагнула,
Крылом лебединым у Дона взмахнула
И вмиг изобилье смела со стола.

И кинулся брат на родимого брата,
«Мое то и это», – крича без огляда,
Друг с другом князья затевали вражду,
В насмешку великое малым прозвали,
О сечах с погаными позабывали —

И те зачастили сюда на беду.

А сокол за морем – бьет уток к обеду,
И храбрых дружинников Игоря нету...
И кликнули половцы Карна и Жля,
И вскачь понеслись по широкой дороге,
И брызнули смагою в пламенном роге:
Вновь Русская запылала земля!

Вновь русские жены с зарей зарыдали
У каждой бойницы, на каждом забрале:
«Уж милых очами не вызреть вдали,
Ни думою сдумать, ни мыслию смыслить,
Разлуку слезами вовек не исчислить,
На платья не шить золотые рубли!»

Печаль по Руси разлилась водопольем:
И Киев в тоске, и Чернигов в недоле —
Горюют и стонут с утра до утра.
Но сеют князья несогласья и смуту —
И рыщут без удержу вороны всюду,
И по горностаю берут со двора.

Так Игорь и Всеволод зло пробудили,
Раздорами Русской земле набедили —
Напрасно у Орели киевский князь
Крутые холмы притоптал и овраги,
Взмутил булавою озерные влаги,
А там – иссушил по болотинам грязь.

Напрасно, объятый днепровским туманом,
Ладью Святослав правил к вежам поганым
И, выдержнув хана из рук степняков,
Унес, будто смерч, Кобяка из приморья:
Хан в киевской гриднице сникнул в покое,
Моля за себя и улусных князьков.

А немцы, венедицы, греки, морава
Там хором нахваливали Святослава
И каяли Игоря этак и так:
В Каялу, мол, выбросил русское злато
И, спрыгнув с золотого седла, воровато
Взобрался на старый поганый арчак.

7

На киевских башнях – печаль и унылость.
Зловещее, вещее князю приснилось.
Сказал Святослав: «Нету силы скрывать,
Бояре! Всю ночь надо мной голосили,
Как будто живого меня хоронили:
Черна паполома, тесова кровать.

И черпали мне синь-вино непростое,
Замешенное на смертельном настое,

И, нежно касаясь серебряных седи,
На лоно мне сыпали жемчуг, не глянув,
Из пустопорожних поганных колчанов,
Которые мне преподнес толковин.

Уже напоследок, готовый к потерям,
Прощально взглянул я на княжеский терем,
А он, златоверхий, стоит без конька...
И граили враны всю ночь до рассвета,
У Плесенска, в дебри Кияновой где-то,
И к синему морю неслись облака».

Бояре ему вещий сон толковали:
«Твой ум, Святослав, полонили печали —
Двух соколов, двух сыновей не забыть!
Они злат престол покидали для брани
Добыть себе города Тмутаракани,
А нет — так шеломом из Дона испить.

Но третьего дня поднялась тьма над ними:
Подрезали крылья мечами стальными
И в путы опутали соколов двух.
Два солнца померкли, два месяца пали,
Два светлых столпа в небесах отпылали
И отсвет багряный в пучине потух.

Когда ж над Каялой светила затмили,
Кощеи по Русской земле зарысили,
Как пардужий выводок из логовищ.

Хула над хвалою тотчас воцарилась
И воля неволе, увы, покорилась,
И Див половецкий мелькнул у жилищ».

У синего моря – чужие напевы:
Хохочут игривые готские девы,
И, мечь Шаруканью лелея в душе,
Звонят они русским награбленным златом
Да Бусово время поют по палатам,
А нам, брат, с тобой не до песен уже.

8

Воистину: смешанная со слезою,
Становится русская речь золотою.
Сказал Святослав: «Вот лихая напасть!
Вы, Игорь и Всеволод, встали до срока,
Затеяли брань, да без всякого прока.
Где русское злато? Где сильная власть?»

Где брат Ярослав и черниговы слуги —
Татраны, ольберы, шельбиры, ревуги,
Которым издревле платили добром?
Они в перестрелках щитов не держали —
Воинственным кликом полки побеждали,
Идя с засапожным ножом напролом.

Князья, занялись вы несправедным делом:
Мол, поровну новую славу поделим,
А старую сами поддержим вполне.
Но зря в Половецкую землю ходили,
Поганую кровь не по чести пролили,
Что вы сотворили моей седине?

Да, старый наученный сокол, бывает,
Могучих орлов на лету забивает:
Ему не впервые гнездо охранять.
Но медлят князья, на подмогу не скачут.
Под ранами русичи в Римове плачут.
Как Волхов, опять время двинулось вспять».

9

Не мыслишь покинуть, князь Всеволод, Суздаль,
Явить закаленную в пламени удадь,
Сразиться за отчий престол и закон?
А мог бы с дружиною, верною долгу,
Разбрызгать широкими веслами Волгу,
Злаченными шлемами вычерпать Дон.

С князьями Рязани, которые в сечу
Несутся, как стрелы, поганым навстречу,

Ты б, Всеволод, дивный полон получил.
На каждом базаре пошла б перебранка:
В ногату ценилась тогда б половчанка
И в резань – плененный тобой половчин.

Чьи сбитые шлемы в крови утопали?
Чьи ратники в поле неведомом пали?
Твои ли, буй Рюрик? Твои ли, Давид?
Настало для правды урочное время:
Вступите, князья, в золоченое стремя,
Орде не прощая ни ран, ни обид.

Земля за Каялою полнится стоном:
Изрублены русичи громом каленым,
Как туры, они перед смертью кричат...
Ты мнишь, Осмомысл, что, не ведая горя,
Один отсидишься в угорских предгорьях:
Престол златокован да Галич богат?

Воздвигнул ты стрельницы за облаками
И горы подпер ты стальными полками,
Дорогу щитом королю перекрыв,
И правишь в заоблачной дали на славу,
Рядишь до Дуная и суд, и расправу,
Речные ворота на ключ затворив.

Текут твои грозы в чужие пределы,
В заморских султанов летят твои стрелы
И Киев твои отворяют войска.

Иди, государь, на восточные страны,
За Русскую землю, за Игоря раны
Гони половчина, стреляй в Кончака!

А вы, буй Роман и Мстислав Городенский,
Чей ум ищет подвига, в буюсти дерзкий,
Ширясь, как сокол на быстрых ветрах.
Ведь вы не чета ратоборцам ордынским:
Железная паворзь под шлемом латинским,
Булатная твердь в закаленных сердцах.

Под вами земля, содрогаясь, гремела:
Ятвяги, хинова, литва, деремела,
Кощеи, кочующие по степям,
Не раз повергались дружиною дружной
И выи склоняли под меч харалужный,
Каленые сулицы бросив к ногам.

А нынче погасло на небе светило
И древо листву не к добру обронило:
Поделены грады по Роси, Суле.
А храбрых дружинников Игоря нету!
Но, слышишь, зовет синий Дон на победу,
Тебя, буй Роман, окликает во мгле.

И вас, шестокрыльцев волынського рода,
Зовет синий Дон для степного похода:
Не дело в усобицах грады делить.
Пора ляхской сталью, сметая неволю,

Ворота замкнуть Половецкому полю,
Поганую кровь за собратьев пролить.

10

Уж, кажется, к Переяславлю порою
Сула не течет серебристой струею
И, смутная с этих нерадостных пор,
Двина по болотам и топям туманным
На север к суровым течет полочанам
Под воронов грай и кощевый ор.

Один Изяслав, осторожность отринув,
Мечом позвонил о шеломы литвинов
И славы Всеславу еще прирубил,
Но в схватке, изрубленный саблей каленой,
Свалился на щит полочанский червлёный
И кровью траву-мураву обагрил.

И вымолвил юноша, смерть призывая:
«Накрыла дружинников галочья стая
И кровь полизало лесное зверье».
И он изронил у чужого предела
Жемчужную душу из храброго тела
Через ожерелье златое свое.

Князья, вы забыли о брате и друге,
Но грустные песни поются в округе,
Трубят городенские трубы вдали.
Червленые стяги свои опустите,
Мечи поврежденные в ножны вложите:
Вы сами от славы отцов отошли.

Вы, внуки Всеслава, повсюду, повсюду
Ковали крамолу и сеяли смуту,
Друг другу обиды и горе творя.
И вот, разжигая раздор самочинный,
На Русь накричали поход половчинный:
За распрями следом является пря.

11

Настало седьмое столетье Трояна.
Всеслав у Двины волхвовал неустанно,
Гадая о девице, милой ему.
Вот киевским князем колдун обернулся
И стружием злата престола коснулся,
А там – лютым зверем отпрянул во тьму.

Вот в полночи вещею птицею свистнул,
Взметнувшись, на облаке синем повиснул,
Над Белгородом при луне промелькнул,

А там – поутру, совершив три налета,
Расшиб новгородские напрочь ворота
И волком с Дудуток к Немиге скакнул.

На речке Немиге такая работа:
Стальными цепами молотят до пота,
Убитых и раненых мечут в стога
И души от тел отведают на риге,
И жизни кладут у кровавой Немиги,
Костями засеивая берега.

А правил Всеслав над людьми по законам,
Рядил города он князьям подчиненным,
А ночью, по давней привычке волхвов,
Он волком дорыщет до Тмутаракани,
Великого Хорса обгонит по рани
И в Киев воротится до петухов.

Стоит над Софией трезвон колокольный —
К заутрене Полоцк идет богомольный,
А князь в стольном Киеве слушает звон.
И хоть обладал мастерством чародея,
Наукой любых превращений владея,
Но часто томился и бедствовал он.

Кончалось седьмое столетье Трояна,
И вспомнил князь вешнее слово Бояна,
Которое он произнес наперед:
«Ни тот, кто мудрит и удачей живится,

Ни тот, кто ловчит, как проворная птица, —
Никто от Господня суда не уйдет!»

12

Слово о гибели Русской земли
Моя сторона, ты рыдаешь, родная,
О прежних летах и князьях вспоминая,
Когда ты была, словно свет среди тьмы.
О Русь, украшали тебя до озора
Святые источники, реки, озера,
Высокие горы, крутые холмы.

Здесь в диких урочищах звери водились,
Здесь птицы в густых чернолесьях гнездились,
Травой-изумрудом стелились поля.
Предивные села, великие грады,
Церковные храмы, сады-винограды —
Ты всем преисполнена, наша земля!

Князья твои грозными были в округе,
Честными бояре и честными слуги,
Христьянская вера крепка и сильна!
Отселе до угров, до чехов, до ляхов,
Отселе до немцев, литвинов, ятвягов,
Куда утекает по топям Двина,

Отсель до корелы за морем Студеным,
До нехристей тоймичей в Устюге темном,
До волжских болгар, что корчуют леса,
До мест, где живут черемисы и веды,
Мордва и буртасы, что дикие меды
Сбирают в берестяные туеса, —

Все это в округе – по странам поганым
Навеки Господь покори́л христианам,
Вручил на владенье тебе, Мономах!
Тобою пугала детей половчанка,
Литвина от страха трясла лихоманка —
Сидел, не высовываясь, в камышах.

А угры, поставив стальные запоры,
Скорей замыкали Угорские горы,
Чтоб ты не поднялся однажды на них.
А немцы жбанок выпивали при встрече
За то, что живут за морями далече
И как бы не слышат ристаний твоих.

Сам царь Мануил, обливаясь слезами,
Ладьи снаряжал с дорогими дарами,
Тебя умоляя не трогать Царьград.
И в кожухе греческого оловира
Ты поезд с сокровищами полумира
Встречал у приморья, велик и богат.

Тебя никогда б чужеземная сила
К холмистому Киеву не пригвоздила!
А ныне нахмурилась Русь от обид:
Опять отовсюду поганые лезут,
Но розно полотнища русские плещут:
Одни носит Рюрик, другие – Давид.

13

В Путивле на стрельнице слышится причет:
С зарей Ярославна печальная кличет:
«Зегзицею я обернусь поутру,
Взовьюсь над серебряным берегом Дуная,
В Каялу бебряный рукав окуная,
Любимому жаркие раны утру».

И кычет зегзицей она заревою:
«О ветер, ветрило! Зачем ты с лютьюбою
Несешь на крыльях вдоль быстрой реки
И мечешь на латников милого лады
Хиновские стрелы без всякой пощады,
В усладу злораду и мне вопреки?»

А мало тебе, что ли, по небу реять,
Вверху облака грозовые лелеять,
На синих морях колыхать корабли?

О ветер, ветрило! Зачем же ты ныне
Развеял веселье мое по равнине,
Упрятал утеху мою в ковыли?»

И шлет она синему морю укоры:
«О Днепр Словутич! Ты крепкие горы
Насквозь прорубил в Половецкой земле.
Ладью Святослава, окутав туманом,
Волной прилеял ты к вежам поганым.
Прошу: прилелей мою ладу ко мне».

Над стрельницей плач Ярославны несется:
«Для всех ты приветно, тресветлое солнце,
А что же не милуешь русскую рать?
Ты жаждой походные луки стянуло,
Печалью и горем колчаны заткнуло,
В безводную степь завело – умирать?»

14

Прыщет море полуночи,
Смерчи мглистые пророчит.
Путь к Путивлю кажет Бог.
Зори гаснут, мгла клубится,
Князю спится и не спится:
У реки полонник лег.

Мыслью поле измеряет,
Из конца в конец шириет,
Заклинает месяц: чур!
Комонь ржет и ждет у берега,
Час урочный, час побега:
За рекой свистит Овлур.

Дробь копыт у переправы.
Степь шумит, и гнутся травы.
Вежи движутся: держи!
Игорь – к берегу, Игорь – к броду,
Белым гоголем – на воду,
Горностаем – в камыши.

На коне летит откосом,
Наземь спрыгнет волком босым,
Побежит к Донцу: быстрее!
Реет соколом по небу,
Бьет себе гусей к обеду,
А на ужин – лебедей.

Игорь птицею взовьется —
По земле Овлур несется,
Волком кружится в лесу.
Приустали от погони,
Пали кони, пали кони
На студеную росу.

И синий Донец, беглецов укрывая,
Туманы развесил от края до края,
Траву-мураву расстелил там и здесь:
«Князь Игорь! Тебе похвала и услада,
Поганому хану – тоска и досада,
А Русской земле – долгожданная весть!»

И вымолвил князь, опускаясь устало:
«Донец, и в тебе благодати немало:
Траву постелил на серебряный брег,
Окутал меня под ракитою мглою
И чайкою белой стрежишь над волною,
И чернядью в небе хранишь мой ночлег.

А вот говорят, что Стугна – не такая,
За ней по пятам ходит слава худая:
В округе пожрала ручей за ручьем
И стала, разлившись, коварного нрава:
На дне затворила своим Ростислава —
Цветы почернели, печалась о нем».

А Гзак да Кончак следом рыщут без толку:
Сороки и галки сидят втихомолку
И вороны Игоря не выдают.

Лишь полозы ползают диким бурьяном
Да дятлы стучат за приречным туманом.
Пора – соловьи заряницу поют.

16

Гзак Кончаку говорит:
«Ежели сокол летит
Синей дорогой к гнездовью,
Мы соколенка потом
Острой стрелой собьем:
Пусть захлебнется он кровью!»

Гзаку Кончак говорит:
«Ежели сокол летит
Синей дорогой к гнездовью,
Мы соколенка потом
Девницей красной повьем:
Пусть захлебнется любовью!»

И говорит хитрый Гзак:
«Так попадем мы впросак
И потеряем обоих.
Всякие птицы, Кончак,
Бить нас начнут так и сяк
На половецких постоях!»

Боян, песнотворец минувшего века,
Любимый хвалебщик кагана Олега,
Промолвил, навек исчезая во мгле:
«Беда голове, коль без плеч остается,
И телу безглавому жизнь не дается!»
Вот так и без Игоря Русской земле.

Но красные девы поют на Дунае,
По морю до Киева песнь долетает,
Великое солнце в зените стоит:
Уж едет князь Игорь Боричевым склоном,
К Святой Пирогощей подходит с поклоном.
По градам и весям веселье гремит.

И князь, поседевший в походах, и витязь,
Ни разу не вскинувший меч, поклянитесь
У милых для русского сердца святынь
Отныне разить воедино хинову
За Русскую землю, за веру Христову.
Да здравствуют князь и дружина! Аминь.

Задонщина

Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамаю

1

Соберемся, друзья, соберемся и в тесном кругу
На досуге правдивый рассказ слово к слову составим,
На Восточную землю откинем печаль да тугу,
И покличем веселье, и Русскую землю восславим,
Похвалу князю Дмитрию, брату его воздадим,
О победе над войском Мамаевым поговорим.

Соберемся, друзья, и начнем по-другому рассказ
О мужах, потрудившихся в дни боевого похода,
Повествуя словами похвальными, но без прикрас,
По свершенным делам, по былинам минувшего года.

Но встает перед мысленным взором иная пора,
Когда вещий Боян, не забытый донине по праву,
Рокоча пятиструнными гусями, пел до утра

Славу Игорю, славу Владимиру и Ярославу.

Я же вспомню рязанца Софония и воспою
Под гуслярный живой перебор, подобрав слово к слову,
Князя Дмитрия с братом, явивших отвагу в бою
За великую Русь, за великую веру Христову.

Вот и эти князья опоясали крепостью ум,
Закалив свою доблесть, отвагой сердца поострили,
Преисполнившись ратного духа и праведных дум,
Помянули Владимира, храбрую рать урядили.

Ой ты, жаворонок, возлети к голубым небесам,
Посмотри, как Москва облачилась в доспехи из стали,
И воспой, птица летняя, славу отважным князьям:
Скоро соколов буря умчит в половецкие дали.

2

Кони ржут на Москве, звенит слава по Русской земле.
На Коломне военные трубы трубят золотые,
Бубны бьют в Серпухове, понеже у Дона во мгле
Реют бранные стяги и панцири блещут чужие.

Вечевые звонят в Новгороде колокола
И, собравшись у храма Софии, глядят на дорогу,

Рассуждая, мужи: «Невеселые, братья, дела:
Не поспеем к великому князю уже на подмогу».

И со всей полуночной страны то не птицы летят,
К достохвальной Москве то князья отовсюду стремятся:
«О, великий князь Дмитрий! У Дона татары стоят,
У межи Чур-Михайловой бранные стяги струятся,
Перейти через быструю Мечу враги норовят.
Жизнь, как видно, не ценят и с нею расстаться хотят.

Мы направимся к Дону, отвагою мир удивим,
Мы добудем себе честь и славу стальными мечами,
Старым – добрую повесть, а добрую память – младым,
И своих храбрецов испытаем в сраженьи с врагами.
Будем насмерть стоять, не щадя своего живота,
За великую Русь, за великую веру в Христа».

«Мы – потомки Владимира! – Дмитрий князьям говорит.

А потомки о киевском храбром гнезде поминают
И с рожденья уже никому не прощают обид —
Ни залетному врану, ни подлой собаке – Мамаю!»

3

Ой ты, летняя птица, выщелкивай песнь, соловей!

Ждут великий князь Дмитрий и брат его, князь
Серпуховский,
Ждут Ольгердовичи – славный Дмитрий и славный
Андрей,
Ждет и Дмитрий Волынский, лихой воевода московский.

Ибо это мужи, это кречеты ратных времен,
Полководцы, которым любая дорога знакома,
Ибо каждый из них был под бранной трубою рожден
И с конца копыя вскормлен, и вырос под златом шелома.

4

Говорит князь Андрей: «Мы, потомки литовских князей,
Славой Скирмонта и Гедимина гордимся законно.
Соберем, брат, дружины и сядем на борзых коней,
И посмотрим на Дон, и воды изопьем мы из Дона,
И татарский шелом испытаем литовским мечом,
А кольчугу татарскую – острым немецким копьем».

Отвечает князь Дмитрий: «Мы жизнью пожертвуем,
брат,
За великую Русь, за великого князя обиду.
Слышишь, гром сотрясает Москву, белокаменный град?
Это рать потрясает щитами, сбираясь на битву.
Ты седлай, брат, коней, а мои уж стоят под уздой.

Едем в поле, посмотрим полки перед дальней ездой».

5

С моря сильные ветры на Русскую землю летят,
В устье Дона и в устье Днепра они водами плещут,
Гонят тучи, в которых кровавые зори горят,
Гонят тучи, в которых стальные зарницы трепещут.
Скоро, скоро раздастся над тихой Непрядвою гром,
И живой падет мертвым, и кровь разольется кругом.

Уже издали слышится скрип бусурманских телег
И, подобные волчьему вою, поганные речи.
Замышляя на Русскую землю кровавый набег,
Желтолицая хинова остановилась у Мечи.
То не лебеди крыльями плещут над синью воды,

То шатры полстяные раскинули в поле ордынцы.
В облаках стерегут их крылатые птицы беды,
Часто вороны грают и брешут на кости лисицы,
Воют волки, клекочут орлы в полумраке ночном.
О, великая Русь, ты уже за далеким холмом!

6

А московские соколы рвутся из шелковых пут,
Белозерские ястребы в синее небо взлетают,
Колокольчиками над водою донскою поют
И, отважные, целятся на лебединую стаю.

И, доверившись Богу, князь Дмитрий вступает в
стремень,
В его правой руке остроточенный меч серебрится,
А над ним лучезарное солнце сияет весь день
И святая молитва Борисом и Глебом творится.

7

Что шумит, что гремит на осенней заре сквозь туман?
Это к Дону ведет князь Владимир полки боевые:
«Ты, князь Дмитрий Иванович, не пощади бусурман.
Уже топчут, проклятые, наши поля золотые».

Отвечает князь Дмитрий: «У нас воеводы мудры
И дружины отважны, и комони борзые ладны,
Золочены доспехи, немецкие копыя остры
И мечи, укрепленные на перевязях, булатны,

Почервлены щиты и черкасские шлемы крепки.
Посмотри, как у воинов фряжские блещут клинки.
Наши воины знают округ – от куста до куста,
Все дороги им ведомы, ведомы все переправы,
И хотят они главы свои положить за Христа:
Реют в поле хоругви, где ищут и чести, и славы».

8

То не быстрые соколы перелетали за Дон,
То не ястребы на лебединую стаю слетали,
То набросились воины, кречеты ратных времен,
На татарскую рать: харалужные копья трещали
И стучали щиты, и гремели о шлемы клинки.
Закипел бой на поле у тихой Непрядвы-реки.

У Непрядвы-реки от копыт почернела земля:
И холмы, и луга потоптали полки боевые,
И костями поганных засеяны были поля,
И татарская кровь замутила потоки речные.

И воскликнуло вещее Диво в клубящейся мгле,
Повелело прислушаться всем чужеземным народам,
И счастливая весть полетела по Русской земле,
Понеслась к Лукоморью и дальше, к Железным Воротам:

В Риме, Кафе, Царьграде и Тырнове славу поют,
Что великая Русь одолела Мамая в бою.

9

В небе сильные тучи сходились одна на одну,
В них и громы гремели, и молнии часто блистали.
То для сечи сходились две рати на быстром Дону,
То гремели мечи, то сверкали доспехи из стали.

Не туриный отчаянный рык доносился с полей —
Умирающих русских князей крик и стон безутешный:
Воеводы Микула, Андрей, Михаил, Тимофей
И другие мужи полегли на равнине прибрежной.

10

А чернец Пересвет к уреченному месту спешит.
Помолившись Христу, на коня боевого садится.
«Ныне время и старому помолодеть, — говорит. —
Ныне время и доброму молодцу чести добиться,
Свою крепость и мощь испытать, постояв за страну.

Лучше в битве погибнуть, чем жить в бусурманском

плену!»

На коне боевом он несется на вражеский стан,
Раскалившийся воздух клинком рассекая со свистом.
И Ослябя ему: «Вижу я, что ты тяжек от ран
И лежать тебе, брат Пересвет, в ковыле серебристом,
А тебе, сын мой Яков, лежать во степи у куста
За обиду великого князя, за веру в Христа».

11

Превеликая скорбь на Рязанскую землю сошла:
Ни пастух, ни оратай в полях не кричали забытых,
Только граяли вороны, мертвые чуя тела,
Да еще куковали кукушки, считая убитых.
Этот грай было страшно и жалостно слышать во мгле.
Вековые деревья печаль преклоняла к земле.

12

Эти песни, что птицы поют,
Так похожи на плачи и стоны.
По убитым в далеком краю
Голосят воеводские жены.

Воеводы Микулы жена,
Причитает Мария в печали,
Причитает с зарею она
На Москве, на высоком забрале:

«Ты течешь в Половецкой земле,
Точишь камни, донская стремнина.
Ты волною ко мне прилелей,
Прилелей моего господина».

И встречает рассвет над рекой
Тимофея жена молодая,
На отвесной стене крепостной
Причитает Федосья, рыдая:

«Скрылась радость из славной Москвы,
Улетела из нашего края.
Я уже не увижу живым
Никогда моего государя».

На Москве городская стена
Поутру и грустна, и уныла.
Плачут Марья, Андрея жена,
И Аксинья, жена Михаила:

«Свет померк и для нас – из полей
Донеслись полонянные вести:
Ссели молодцы в поле с коней,
Полегли на погибельном месте».

13

Уже Диво ликует под звоны татарских мечей,
Под предсмертные стоны израненных русских князей.

14

Нет, не щуры поют над рекой
Эти песни тоски и печали.
На Коломне, с воскресной зарей
Плачут жены на древнем забрале:

«О, Москва, ты быстра и светла,
Ты и к морю течешь напрямую.
Но зачем ты мужей унесла
В Половецкую землю чужую?

Князь, ты можешь веслом заградить
Быстрый Дон и в бою вероломном
Мечу мертвым врагом запрудить
Или вычерпать Днепр шеломом?

Так замкни ты ворота Оке,

Чтоб поганые к нам не ходили,
А то наших мужей вдалеке
Эти рати уже утрудили!»

15

И тогда князь Владимир Андреевич вздыбил коня
И помчался вперед, золоченым шеломом сверкая.
Свое сердце неистовой яростью воспламеня,
В битву ринулся он, за собой храбрецов увлекая.

Крикнул брату Владимир: «Князь Дмитрий! В тяжелые
дни

Для великой Руси ты оплот и защита стальная.
Бей врагов неустанно – уже наступают они!
Еле движутся кони, в кровавую топь увязая:
Так страшны и жестоки потери у русских полков.
Уже жалостно видеть кругом христианскую кровь».

И воскликнул князь Дмитрий: «Бояре и дети бояр!
Это вам не хмелящие меды пивать по уделам.
Время славу себе добывать, сокрушая татар,
Время робким смелеть и заслуживать почести смелым!»

И слезу со щеки он смахнул рукавицей своей:
«На Тебя одного уповаю, Господь Вседержитель!»

Да не будет позора на мне до скончания дней,
Да не будет мой враг, да не будет мой враг – победитель!»

16

То не сизый орел с соколами по небу летит,
То великий князь Дмитрий с полками спешит, кличет
брата:

«Нам испить эту горькую чашу до дна предстоит.
Нападем со своими дружинами на супостата!»

И взметнулись мечи над кистями стальных шишаков,
Свои главы руками прикрыли, страхась, бусурманы.
Реют стяги: враги отступили от княжьих полков
И стремглав побежали, бросая щиты и кончаны.

Всюду русские воины с кликами бросились в бой,
Золотыми доспехами путь осветив пред собой.
Наступают мужи, нагоняя тоску на врага,
И ордынских князей вышибают из седел серебряных.

Омываются кровью татарской речные берега
И поля засеваются часто костями поганных.
И бегут степняки к Лукоморью, бросая обоз,
От досады и горя царапая лица до слез:

«Уже дома нам не побывать
И детей не увидеть родимых,
Нам траву-мураву целовать,
Позабыв о катунях любимых,
Уже ратью на Русь не ходить,
Дани с русских князей не спросить».

Приуныли татары от бед и печалей своих:
Знать, на Русскую землю ходить им охоту отбили.
У Непрядвы-реки отгремело оружие их,
Голоса отзвучали и трубы вдали оттрубили.

17

Ныне русские воины веселы как никогда:
Дорогие узорочья, сахар, вино и доспехи,
Скакуны и верблюды – все то, чем богата Орда,
Захватили они и свои торжествуют успехи.
И домой везут груду чудесных шелков расписных,
Чтобы златом татарским осыпать любимых своих.

Ныне русская слава по небу летит высоко:
Ниц повержено Диво, хулу похвала одолела.
Ныне княжии грозы по свету текут далеко:
Ты, великий князь Дмитрий, пускай смертоносные
стрелы

И рази бусурман, не жалея меча и щита,
За великую Русь, за великую веру в Христа!

18

А поганый Мамай серым волком до Кафы бежал.
Говорят ему фряги: «Не быть тебе в хана Батыя!
Он всю Русь от востока до запада в битвах стяжал.
То Господь наказал ее за согрешенья большие.

Ты ж явился на Русскую землю войну воевать,
Ты ж привел девять орд, их собрав по улусам предгорья,
А теперь тебе не с кем и зиму в полях зимовать,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.